

ПЯХА

КРАСНАЯ ГОРКА

ТРАДИЦИИ · ОБРЯДЫ · РЕЦЕПТЫ

Вероника Анриевна Нэй

Пасха. Красная горка.

Традиции, обряды, рецепты

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6661470

Пасха. Красная горка. Традиции, обряды, рецепты / [сост. В. А. Нэй].:

РИПОЛ классик; Москва; 2012

ISBN 978-5-386-03989-9

Аннотация

Эта книга посвящена традициям, обычаям, поверьям и приметам, связанным с Пасхой, любимейшим народным праздником, по праву считающимся торжеством из торжеств, когда «душа русская как бы растворяется и смягчается в теплых лучах Христовой любви», и с Красной горкой, древнерусским народным весенним праздником, праздником молодежи, первого весеннего гулянья девушек, празднику, к которому, как правило, приурочивались свадьбы. При подготовке издания были использованы работы (в том числе малодоступные) ряда крупных отечественных исследователей, таких, как И. Снегирев, С. Максимов, И. Сахаров, А. Коринфский и других.

Содержание

Пасха Христова	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Составитель Вероника

Анриевна Нэй

Пасха. Красная горка

Традиции, обряды, рецепты

Пасха Христова

(Светлое Христово Воскресение)

Новозаветная Пасха – Светлое Христово Воскресение – как главное событие в духовной жизни христианина получила название Праздник праздников, царь дней или Великий день. Пасха является также самым первым христианским праздником.

История Пасхи своими корнями уходит в глубокую древность. Примерно пять тысяч лет назад иудейские племена отмечали ее весной как праздник отела скота, затем Пасху связывали с началом жатвы, позднее – с уходом евреев из Египта. Христиане же вложили в этот день иной смысл и отмечают его в связи с воскресением Иисуса Христа.

На первом Вселенском соборе христианских церквей в Никее в 325 г. было решено перенести православный праздник на неделю позже еврейского. Постановлением этого же

Собора праздник Пасхи должен отмечаться в первое воскресенье, следующее за первым полнолунием после весеннего равноденствия. Таким образом, праздник «кочует» во времени и выпадает каждый год на разные дни в период с 22 марта по 25 апреля по старому стилю (с 4 марта по 8 мая по новому стилю). На Пасху отмечается воскресение Иисуса Христа, который Своею смертью искупил людские грехи и Своим воскресением дал надежду на жизнь после смерти.

Придя на Русь из Византии, христианство принесло и ритуал празднования Пасхи. Всю неделю, предшествующую этому дню, принято называть Великой, или Страстной. Особо выделяют последние дни Страстной недели: Великий четверг – как день духовного очищения, принятия таинства, Страстная пятница – как еще одно напоминание о страданиях Иисуса Христа, Великая суббота – день печали, и, наконец, Светлое Воскресение Христово.

У православных славян существовало множество обычаев, ритуалов, приуроченных к дням Великой недели. Так, Великий четверг традиционно называют «чистым», причем не только потому, что в этот день каждый православный человек стремится очиститься духовно, причаститься, принять таинство, установленное Иисусом Христом. В Чистый четверг был широко распространен народный обычай очищения водой – купание в проруби, реке, озере или обливание в бане до восхода солнца.

В этот день убирали в избе, всё мыли и чистили. На Севе-

ре и в средней полосе России было принято собирать и сжигать ветви можжевельника для окуривания жилища и хлеба. Считалось, что целебный можжевеловый дым защищал человека и «животинку» от нечисти и болезней. Бытовало также поверье, что снесенные в Великий четверг яйца, съеденные на Пасху, предохраняли от недуга, а скорлупа яиц, зарытая в землю на пастбище, надежно защищала домашний скот от сглаза и всякой напасти. Еще один обычай – освящать соль и в ночь под Чистый четверг ставить на стол с хлебом.

Последнюю неделю перед Пасхой называют Страстной. На Страстной неделе вспоминают события последней недели земной жизни Иисуса Христа с того момента, как Он вошел в Иерусалим, и до того дня, когда Он был распят на Кресте и воскрес на третий день. Гораздо более строгими в Страстную неделю становятся ограничения в еде, а в Великую пятницу – день распятия Христа – верующие не едят вообще, вплоть до выноса Плащаницы, которая символизирует момент искупительной жертвы Иисуса Христа.

На Руси весь народ торжественно готовился к Святому дню. К нему было приурочено много добрых обычаев и поверий. Например, считалось, что добрые дела, совершаемые в пользу других, особенно обделенных судьбой, помогали снять с души грех. Так, в России было принято собирать деньги для выкупа должников из тюрьмы. Перед праздником все дома тщательно убирались, шились новые наряды.

За Страстной неделей приходит на русский простор Свя-

тая неделя, в старину она звалась также Светлой, Славной, Великой, Радостной, Красной и Великоденской и слыла за один Велик день. «Пресветлое Воскресение праведного солнца – Христа» объединилось в народном воображении с весенним возрождением природы, как бы принимающей участие в радостном праздновании величайшего из евангельских событий, знаменующего светлую победу над тьмой смерти. С этим связан был старинный обычай зажигать перед церквями и по холмам костры во время Светлой заутрени, в Белоруссии шли к ней даже с зажженными лучинами. Почти повсеместно в деревнях на Святую ночь жгли по площадям смоляные бочки; угли от них потом собирали и относили домой и сберегали вместе со свечами, с которыми стояли заутреню. Некоторые клали эти угли под застрехи крыш, в уверенности, что этим предохраняют свой двор от грозы. В деревнях, по старому обычаю, после пения «Христос воскрес!» стреляли холостыми зарядами из ружей, торжествуя этим победу над нечистой силой и тьмой. Зачерпнутой в роднике в пасхальную ночь воде народное поверие приписывает особенную силу. Суеверные люди окропляли ею свои дома и амбары, видя в этом залог счастья и довольства. В Святую ночь в селах красные девушки спешили за водой к ручьям и рекам. Молча старались они наполнить ведра и так же молча донести их домой. Если при этом будет произнесено хоть одно слово, вода эта, по словам старых людей, потеряет свою силу.

Существовало старинное поверье о том, что если в Светлую заутреню стать в уголке церкви, держать при этом в левой руке серебряную монету и на первое приветствие священника «Христос воскрес!» вместо «Воистину воскрес!» ответить словами: «Антмоз маго», то от этих слов монета получит чудодейственную силу, которая может возвратить ее хозяину даже из воды, из огня. Брошенная в чужие руки, монета эта не только возвратится к хозяину, но и приведет с собой все другие, между которыми находилась. Этот «антмоз» соответствовал неразменному червонцу, который знаменует собой неиссякаемое богатство солнечного света, каждое утро возрождающееся на востоке; он напоминал собою и молнию, которая в весеннюю пору воскресает и цветет во мраке ночеподобных туч.

Старинное предание гласит, что красное солнышко, всплывая из-за гор над обновленной Воскресением Христовым землею, радостно играет-пляшет своими лучами. Эта молва о «солнечных заигрышах» распространена во всех уголках славянского мира, некогда жившего одной духовной жизнью с русским народом. В великорусских губерниях ранним-рано на первый день Светлого праздника выходил деревенский люд на пригорки, ребята малые влезали на крыши – любоваться игрой солнца. Взойдет, заиграет оно на безоблачном небе – быть, по примете старых людей, красному лету, богатому урожаю и счастливым свадьбам. Деревенская детвора при первом появлении светила принималась пры-

гать, припевая: «Солнышко-ведрышко, выгляни в окошечко! Солнышко, покажись, красное, снарядись! Едут господа-бо-яре к тебе в гости во двор, на пиры пировать, во столы столовать!» Старухи в это время умывались с золота, серебра и красного яйца, думая от того и помолодеть, и разбогатеть, старики же расчесывали волосы, приговаривая: «Сколько в голове волосков, столько и внучат!»

Были и такие, что в первый день Светлой седмицы старались поужинать и лечь спать до заката, думая, что если не сделать этого, то нападёт куриная слепота.

С первого же дня Светлого Христова Воскресения отверзаются, по верованию народа, врата райские и остаются отворенными до последнего дня. Счастлив тот, кто умрет на Пасху, тому прямая дорога в селение праведных. Потому-то престарелые благочестивые люди, которым не жалко расстаться с земной жизнью, и молили Бога, чтобы привелось им покинуть этот бранный мир в дни Святой недели, а еще лучше – в Светлую заутреню. Того, кто умирал на Светлое Христово Воскресение, по старинному обычаю, хоронили с красным яйцом в правой руке. «Умер на Пасху – и яичко в руку!» – напоминает об этом народная поговорка.

В Древней Руси существовало предание о том, что когда восстал из мертвых Спаситель мира, солнце не заходило целых восемь суток: первые два дня оно стояло на востоке – там, где ему полагается быть при восходе, следующие три дня – на полудне, остальные два – на вечере, на восьмой за-

шло. Это предание повторялось на Руси всеми в XVI–XVII столетиях, вызывая возражения церковных проповедников. Народная же Русь, от мала до велика верившая в то, что отверзаются на Святой неделе райские двери, прибавляла к этому, что прекращаются, утихают на эти дни и адские муки. Это основано было на сказании «Хождение апостола Павла по мукам». По другому распространенному в народе сказанию – «Хождение Богородицы по мукам» – покой грешникам дается на том свете с Великого (Страстного) четверга до самой Троицы.

С первого дня Светлой недели, по старинному преданию, Иисус Христос в сопровождении Своих апостолов ходит по земле вплоть до Вознесения. Одеты небесные странники в нищенское рубище, а потому, гласит народный сказ, и невдомек никому, кто они. Ходят они, испытывают людское милосердие, награждают великими и богатыми милостями добрых и карают злых людей.

В понедельник Святой недели в некоторых местностях ходили на кладбища – христосоваться со своими покойничками, по большей же части этот обычай соблюдался после Пасхи, на Радоницу. Со вторником связано было в народе имя «купалища». В старину существовал обычай обливаться в этот день холодной водой тех, кто проспал заутреню. Летопись рассказывает об этом обычае как о пережитке древнего язычества, связывая его с обоготворением матери сырой земли.

Со Светлой среды начинались по некоторым местам

весенние хороводы, продолжавшиеся до Троицына дня – каждый вечер. Разными бывали хороводы, и назывались они великоденскими, радоницкими, никольскими, троицкими, всесвятскими, петровскими, пятницкими, ивановскими, успенскими, семенинскими, капустинскими и покровскими. Светлый праздник начинал, открывал хороводное веселье, Покровом оно заканчивалось.

В Святую пятницу, именовавшуюся «прошеньем», «прошеным днем», в обычае было звать тестю с тещей зятя и его родных «на молодое пиво», которое звалось также и «моленным». В Костромской губернии, например, его варили в складчину, делили между соседями и пили, приговаривая: «Пиво – не диво, и мед не хвала, а всему голова, что любовь дорога!»

Пасхальная суббота слыла в народе «хороводницей», в этот день был самый разгар молодого веселья в посельской Руси. В Черниговской губернии к этому дню приурочивался обычай изгнания или «провождения» русалок, по другим уголкам народной Руси справлявшийся на Всесвятской, следующей за Духовым днем, неделе.

В воскресенье со Светлой седмицы на Фомину – проводы Пасхи. В этот день, по старинному обычаю, придерживавшиеся дедовых заветов люди собирали все оставшиеся от праздничной снеди кости и, благословясь, несли их на поле, где и зарывали. Это должно было охранить посевы от градобития. По другому же суеверию, предсказывалось беречь

эти кости в хате и бросать их в топившуюся печку во время летних гроз.

Но не только дань своему суеверию отдавала в светлые пасхальные дни народная Русь: крепка была она и своей простодушной верой в Христа, свято чтили в ней все обряды христианского благочестия. Освятит деревенский люд в Божьем храме в Светлую заутреню свои пасхальные яства, похристосуетя со священником, со своими близкими и всеми, кто бы ему ни встретился, разговееется красным яичком и всем, чем Бог пошлет. Но до тех пор не начнут в деревне праздничного пиროвания, веселья, покуда не обойдет церковный причт с крестом и святой водой и не пропоет перед каждой божницей радостных пасхальных песнопений. А потом во всю Пасхальную неделю ходили, разнося благостную весть о Воскресении Христовом, в каждом приходе от деревни к деревне, богоносцы с крестами, хоругвями и образами. Всю Светлую седмицу лился по всей Руси радостный пасхальный звон: не замолкала с утра до ночи ни одна колокольная – каждая словно старалась перезвонить другую. Находилось множество охотников «потрудиться для Бога», а уж от детворы отбою не было – всякому хотелось хоть один раз да потрезвонить в эти светлые дни. С утра до позднего вечера разносилось по русскому простору, пусть порой и нестройное, но из глубины души льющееся пение, одни богоносцы сменяли других. «Ходить под Богом» на Святой неделе считалось в народе за благочестивый подвиг. Приступали к нему

только с благословения священника: не всем разрешалось это дело, а только тем, кто не повинен был ни в каких тяжких, вызывающих наложение особого покаяния, грехах. Богоносцы, поднимая иконы, одевались во все чистое и давали зарок не пить при этом вина, что особенно трудновыполнимо при известном хлебосольстве русского народа. Не выдержавший и поддавшийся на угощение не мог уже оставаться богоносцем, а должен был передать свою обязанность другому, на что не приходилось долго искать охотников. По преданию, переходившему из уст в уста по селам и деревням, проносившему целую неделю иконы и кресты это вменялось за седьмую часть дороги в Иерусалим: «Семь Светлых седмиц под Богом походить – в Ерусалим-град не ходить!» – говорили благочестивые люди.

Богоносцев ожидали в каждом доме с нетерпением. Еще накануне их прихода в деревне везде уже приготавливались ведра и кадки со всяким житом. В них гости ставили принесенную ими святыню, освящая этим будущий урожай. Освященное зерно сберегалось для посева и высевалось прежде всякого другого. За немалый грех считалось в народе каким-либо способом осквернить или просто даже рассыпать зря это зерно, но еще более тяжким грехом – не принять богоносцев. Благодать Божья, по народному верованию, навсегда удалялась из такого дома. Для крестьянской детворы приход богоносцев в деревню являлся целым событием. Еще загодя выбегали ребята за околицу и дожидались: как только

показывались кресты и хоругви, один из детей, по выпавшему жребию, бежал оповещать деревню о приближении «Божьих гостей», а все остальные стремглав неслись навстречу идущим, чтобы присоединиться к ним и принять этим участие в богоугодном подвиге старших. Во многих местах богоносцев приглашали в поле, где они всем миром с пенем обходили озимые всходы. Если в какой-нибудь деревне богоносцам приходилось заночевать, для той считалось это особенно счастливым предзнаменованием, охраняющим ее от пожара на более или менее продолжительное время. Поэтому-то везде и просили их об этом. Но не всегда богоносцы соглашались, потому что священником, отпускавшим с ними святые иконы, давался строгий наказ лучше ночевать в поле, чем в такой деревне, где в это время шел пьяный праздничный разгул. Среди же богоносцев находилось всякий раз несколько известных во всей округе своей благочестивой жизнью людей, для которых слово духовного отца являлось непреложным законом.

Величайший из христианских праздников – Святая Пасха является, вместе с тем, и любимейшим русским народным праздником, когда душа русская как бы растворяется и смягчается в теплых лучах Христовой любви, и когда люди всего больше чувствуют живую, сердечную связь с великим Испытателем мира. На церковном языке Святая Пасха называется торжеством из торжеств, и название это как нельзя больше соответствует общенародному воззрению на этот

праздник. Еще загодя начинал православный люд готовиться к этому торжеству, чтобы встретить его достойным образом, с подобающим благолепием и пышностью. Но особенно деятельно хлопотала и приготавливалась русская деревня, где живее чувствовалась связь со старинными обычаями. В продолжение всей Страстной седмицы крестьяне, что называется, не покладали рук, чтобы соскоблить, вымыть и вычистить обычную грязь трудовой обстановки бедных людей и привести свои убогие жилища в чистенький и, по возможности, нарядный вид. Мужики с первых дней Страстной недели заготавливали хлеба и корм для скотины на всю Светлую седмицу, чтобы в Великий праздник не приходилось хлопотать и чтобы все было под рукой. А бабы и девушки хлопотали в избах: белили печи, мыли лавки, скоблили столы, вытирали мокрыми тряпками запыленные стены, обметали по углам паутину. Разгар бабьих работ выпадал на Чистый четверг, который признавался не просто днем Страстной недели, а каким-то особенным угодником Божиим, покровительствующим чистоте и опрятности. В этот день, по народному убеждению, даже «ворона своих воронят в луже моет». На этом же основании и бабы считали своим долгом купать ребят, а иногда и мыть поросят, а также чистить избы. «Если в Чистый четверг вымоешь, – говорили они, – весь год чистота в избе водиться будет». Девушки мылись в Чистый четверг, твердо веруя, что если на утренней заре хорошенько вымыться, вытереть тело полотенцем и отдать затем это полотенце

оброшнику (об оброшниках см. ниже), то от женихов отбою не будет и в самом скором времени непременно выйдешь замуж. Кроме всеобщего мытья, крестьяне старались приурочить к Чистому четвергу и убой скота и свиней, предназначенных для праздничного стола и для заготовления впрок.

Это делалось на том же основании, как и мытье избы: угодник Божий Чистый четверг сохраняет мясо от порчи, в особенности если к нему обратиться со следующей короткой молитвой: «Чистый четверг, от червей и от всякого гада сохрани и помилуй на долгое время».

Покончив с убранством избы, бабы приступали обыкновенно к стряпне. В богатых домах жарили и варили живность, пекли куличи, украшая их мармеладом, монпансье и другими цветными конфетами. В бедных же семьях эта роскошь считалась не по карману, и здесь куличи, в виде обыкновенной, без всякой сдобы, булки, покупались у местных лавочников или калашников и барашников. Но так как калашники развозили по деревне свои куличи примерно за неделю или за три-четыре дня до праздников, то на пасхальном столе крестьянина-бедняка обыкновенно красовалась плоская и твердая, как дерево, булка, ценой не свыше пятиалтынного или двугривенного. Но бывали, впрочем, случаи, когда крестьяне не могли позволить себе и этой роскоши, не выходя из бюджета. Таким беднякам обыкновенно приходили на помощь более богатые родственники, которые, из чувства христианского милосердия, не допускали, чтобы

Светлый праздник омрачался «голодными разговинами», да еще в родственной семье. Впрочем, и посторонние не отставали от родственников, и в Страстную пятницу совсем не редкость было видеть шныряющих по селу баб, разносящих по домам бедняков всякие припасы: одна принесет молока и яиц, другая творогу и кулич, а третья, гляди, притащит под фартуком и кусок убоины, хотя и накажет при этом не проговориться мужу (в деревнях убоиной распорядился мужик, и баба без спросу не смела подступаться к мясу).

Что касается мужиков среднего достатка, то они, хотя и не прибегали к помощи зажиточных соседей, но редко обходились без займов, а еще охотнее продавали что-нибудь из деревенских продуктов (дрова, сено, мятую пеньку и прочее), чтобы разжиться деньгами и купить четверть или полведра водки, пшеничной муки для лапши и пшена на кашу. Но вырученные деньги расходовались бережно, с таким расчетом, чтобы было на что «купить Богу» масла и свечей и заплатить священнику.

Все хозяйственные хлопоты заканчивались обыкновенно к вечеру Великой субботы, когда народ спешил в церковь слушать чтение «страстей». Читать «страсти» считалось за честь, так как чтец перед лицом всего народа мог засвидетельствовать свою грамотность. Но обычно чаще всего читал какой-нибудь благочестивый старик, которого окружали слушатели из мужиков и целая толпа вздыхающих баб. Долго длилось это монотонное, а иногда и просто неумелое чте-

ние, и так как смысл читаемого не всегда был доступен темному крестьянскому уму, то усталое внимание притуплялось и многие покидали чтеца, чтобы помолиться где-нибудь в углу или поставить свечку святой Плащанице (бабы уверяли, что Плащаница – это Матерь Божья) или же просто присесть где-нибудь в притворе и задремать. Последнее случилось достаточно часто, и лица духовного звания резко осуждали это неуважение к церковному богослужению, замечая, что спать в церкви, да еще в Великую ночь – значит то же, что не понимать всего происходящего в храме. Хотя вряд ли такое мнение можно признать справедливым, так как во всей нашей стране ни одно сословие не сохраняло такой теплой и по-детски наивной веры, как русское крестьянство. И если в церковных притворах и темных углах храма народ действительно спал, так что храп мешал иногда молящимся, то нужно принять во внимание, что эти спящие люди были истощены строгим деревенским постом, что многие из них приплелись из далеких сел по ужасной весенней дороге и что, наконец, все они донельзя утомлены предпраздничной суетой и хлопотами. Большинство же толпилось в темноте церковной ограды и деятельно хлопотало над наружным украшением храма. Во всю пасхальную ночь здесь были слышны говор и крики; народ расставлял смоляные бочки, готовял костры. Мальчишки суетливой толпой бегали по колокольне и расставляли фонари и плошки, а самые смелые мужики и парни, с опасностью для жизни, лезли даже на ку-

пол, чтобы осветить и его. Но вот фонари расставлены и зажжены, вся церковь осветилась огнями, а колокольня горит, как исполинская свеча, в тишине пасхальной ночи. На площади перед церковью густая толпа народа глядит и любит-ся своим разукрашенным храмом, и слышатся громкие восторженные крики. Вот послышался и первый, протяжный и звонкий удар колокола, и волна густого колеблющегося звука торжественно и величаво покати-лась по чуткому воздуху ночи. Народная толпа заколыхалась, дрогнула, полетели с голов шапки, и радостный вздох умиления вырвался из тысячи грудей. А колокол тем временем гудит, гудит, и народ валом валит в церковь слушать утреню. Через какие-нибудь пять минут в церкви делается так тесно, что негде яблоку упасть, а воздух от тысячи горящих свечей становится жарким и душным. Особенная давка и толкотня наблюдается у иконостаса и около церковных стен, где расставлены принесенные для освящения куличи, яйца и всякая пасхальная снедь. Когда отойдет утреня, ровно в двенадцать часов в ограде палят из пушки или из ружей, все присутствующие в церкви осеняют себя крестным знамением, и под звон колоколов раздается первое «Христос воскрес!» Начинается процесс христосования: в алтаре христосует-ся причт, в церкви – прихожане, затем причт начинает христосоваться с наиболее уважаемыми крестьянами и обменивается с ними яйцами. (Последнее обстоятельство особенно высоко ценилось крестьянами, так как они верили, что яйцо, полученное от священника, нико-

гда не испортится и имеет чудодейственную силу.)

После окончания литургии все, с куличами на руках, выходили из церкви и строились в два ряда в ограде, в ожидании причта, который в это время в алтаре освящал пасхи более зажиточных и чтимых прихожан. Ждали терпеливо, с обнаженными головами; у всех на куличах горели свечи, у всех открыты скатерти, чтобы святая вода попала непосредственно на куличи. Но вот причт освятил уже куличи в алтаре и, во главе со священником, выходил наружу. Ряды колыхались, начиналась давка, крик, кое у кого вывалилась пасха из миски, кое-где слышалась сдержанная брань рассерженной бабы, у которой выбили из рук кулич. А причт между тем читал молитву и, обходя ряды, кропил святой водой пасхи, за что ему в чашу кидали гривны и пятаки.

Освятив куличи, каждый домохозяин считал своим долгом, не заходя домой, побывать на кладбище и похристосоваться с покойными родителями. Отвесив на родных могилках поклоны и поцеловав землю, он оставлял здесь кусок творогу и кулича для родителей и только потом спешил домой христосоваться и разговляться с домочадцами. Дети с родителями христосовались трижды, и только с женами целоваться при всех считалось за большое неприличие. К разговению матери всегда будили маленьких детей: «Вставай, детеночек, подымайся, нам Боженька пасочки дал», – и заспанная, но все-таки довольная и радостная детвора садилась за стол, где отец уже разрезает пасху на куски, крошит

освященные яйца, мясо или баранину и оделяет всех. «Слава Тебе, Господи, пришлось разговеться нам», – в умилении шепчет крестьянская семья, крестясь и целуя освященную пищу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.